

кларативно, в органически-образной форме. Через всю повесть проходит образное противопоставление: с одной стороны — народная стихия, бунтующая, готовая в огонь и в воду, и при всей жестокости отдельных эпизодов — праздничная и ликующая, и с другой стороны — кучка озлобленных и усталых отщепенцев, представленная фигурами командира бронепоезда капитана Незеласова и его помощника прапорщика Обаба, жалкими и физически и нравственно фигурками беженцев, марионеточными силуэтами японских офицеров...

Как уже говорилось, для выразительного подчеркивания стихийной, «земляной» силы крестьянского войска автор употребил параллелизм и сравнения, взятые из пейзажа, насыщенного яркими красками и запахами, сливающегося с образом партизанской толпы, интенсивно-живописного. Когда массы партизан ведут наступление на бронепоезд белых, это выглядит как будто «Бирнамский лес пошел на Дунсинан» — сама природа, тайга, травы, пашни и реки поднялись против оскверняющей лоно земли отчаянной и обезумевшей шайки людей, замурованных в глухую мрачную броню. Вс. Иванов вспоминает, что в мыслях о «Бронепоезде» ему мерещились «необычайно бурные порывы восторга, ...русские поля, леса, тайга, реки, океан, все, где разворачивалась атака на старый мир, — и все это было залито сверканием солнца, огромного, родного солнца...». На стороне народа — исторический оптимизм, и хотя борьба тяжела, хотя смертельно жалят пули, и — вот, сраженный, упал на насыпь милый Васька Окорок, своей буйной рыжиной и революционным азартом и шальной юностью как бы воплощавший частицу этого солнца, — но все же на стороне сражающегося народа счастье, весна, здоровье... Совсем иной ряд эмоций и сравнений появляется в повести при описании врагов — капитана Незеласова, Обаба; они уже смяты историческим потоком (тело Незеласова напоминает смятую жестянку из-под консервов), они — «трупы завтрашнего дня», на них «клеймо бегства»; капитан Незеласов говорит «кашляя, брызгая слюной и дымом», мысли Обаба «тупые, как носок американского сапога...». Противопоставление силы, здоровья, красочности, соединившихся в образе защитников революции и физической примитивности, тленности, маразма, характеризующих злобный уходящий мир, напоминает здесь контраст, бросившийся в глаза героине романа М. Горького «Мать» во время суда над большевиком Павлом Власовым.

Наиболее концентрированно сказывается это противопоставление у Вс. Иванова в том отвратительном сравнении, которое находит для себя и себе подобных капитан Незеласов: «стекаем, как гной из раны...»

Почти гротескно-ужасен конец Незеласова, ослепшего, обезумевшего, убитого партизанами. Ряд острых натуралистических деталей подчеркивает отвратительность и беспомощность подобного конца.

«Партизанские повести» Вс. Иванова, как и многие другие произведения советской литературы того периода, воплотили поэзию сти-

хийных народных движений за советскую власть, романтику борьбы против оккупантов и интервентов.

Но, всячески акцентируя «стихийность» партизанского движения и ярко рисуя его именно как безудержную и грозную стихию, Вс. Иванов в «Партизанских повестях» не нашел еще способов должным образом обрисовать сознательную роль передовых людей в революции, здесь почти полностью отсутствует представление о той организующей роли, которую играл в те времена по отношению к крестьянской массе городской пролетариат во главе с коммунистами.

В повести «Партизаны» намечается даже некоторое противопоставление города и деревни, рабочих и «земляных» людей. Рабочие-строители Кубдя и Беспалых, оказавшиеся в стане Селезнева, чувствуют в нем чуждую им, «городским людям», «медвежью душу» и не понимают ни его тяги к земле, ни нежности, с которой он думает о ней... Кубдя временами даже пугается чего-то, стараясь избежать гипноза земли и отойти дальше от «обступившего всех чувства связанности с землей, с ее болями, и от этих, пахнувших таежным дымом, людей...». В «Бронепоезде» тоже звучат ноты недоверия к городу, к разуму и организованности. В этом культе стихийности, в противопоставлении глухой земляной силы и веры партизан «городским людям» таилась опасность идейных срывов, которых не избежал Вс. Иванов впоследствии.

Особенно противоречивой в этом смысле оказалась повесть Вс. Иванова «Цветные ветра». Здесь нет уже того идейного, социального пафоса, который двигал массами людей в первых двух повестях, а особенно в «Бронепоезде». О собравшихся в партизанский антиколчаковский отряд крестьянах в повести говорится так: «В черни-то восстание селится. Как, грит, соберем общество, так усеих богатых мужиков перережем!.. А может быть, передумают, сами в буржуи перейдут. Неизвестно». (Разрядка моя.— М. Щ.) Людьюми здесь движут не столько коллективистские (хотя бы и стихийные!) чувства и намерения, а необъяснимо таинственные, неожиданно вскрывающиеся порывы и тяготения, проявляющиеся в малоосмысленных и разрушительных действиях, не связанных внутренне ни с историей, ни с психологией времени. В повести торжествуют неразумные, какие-то «нутряные», органические силы, то соединяющие, то разбрасывающие людей, торжествует стихийная природа человека — сына земли. Целый пантеистический гимн этой внеразумной, хаотичной, красочной и пряной экзотике «земляных» сил; живородящих и убивающих, пропет в лирических отступлениях повести. Первобытен и томящий пейзаж повести: «Ночи текли медленные и широкие, как сибирские реки. Ревели, просили любви в Тарбагайских горах звери... Избы текли огромные, тянулись зелеными деревьями. Как темные цветы, отражая звезды, пахли ягодами окна. Выли, тоскуя по горам, лохматые волчеглазые собаки...» Так же «тоскуют» по горам, лесам, по какой-то своей общей прародине-земле и люди, действующие в повести, их тоже тревожат запахи — «земляные, извечные. Непереносные».